

3. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – Термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. №3 (21). С. 390–406.
4. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368с.
5. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2023. 800 с.
6. Пирожкова С. В. Проблема научного предвидения в философии К. Поппера // Вопросы философии. 2009. №6. С. 160–176.
7. Поппер К. Р. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.
8. Ринчен С., Берзин А. Подробное рассмотрение способов познания, часть 14: количество достоверных способов познания // Study Buddhism – проект Berzin Archives e. V. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinuty-ugroven/nauka-ob-ume/sposoby-poznaniya/podrobnoe-rassmotrenie-sposobov-poznaniya-chast-14-kolichestvo-dostovernih-sposobov-poznaniya> (Дата обращения: 28.06.2024).
9. Селиванов А. И. Познание будущего развивающихся социальных объектов// Социс. 2015. №4. С. 11–17.

РОБИНЗОНАДА ВЫМЫШЛЕННЫХ И БЕДНОТА ПРОИЗВОЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ⁴

Ламберов Л.Д.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, кафедра онтологии и теории познания, доцент

Статья посвящена рассмотрению концепции вымышленных объектов как конечных по своим особенным (негенерическим) свойствам. В статье даётся формулировка данной концепции, затем вымышленные объекты сопоставляются с произвольными объектами и реальными объектами в контексте обладания генерическими и негенерическими свойствами, а также в контексте существования этих объектов в актуальном мире и в возможных мирах. Статья завершается обсуждением нескольких замечаний по отношению к рассматриваемой концепции вымышленных объектов, которые были предложены после доклада по этой теме участниками Седьмых Лемовских чтений.

Ключевые слова: воображение, существование, вымышленные объекты, реальные объекты, произвольные объекты, возможный мир, свойство.

Настоящая статья представляет собой исследование концепции вымышленных (фиктивных) объектов, согласно которой последние понимаются как эпистемически конечные относительно их особенных свойств. Вымышленные объекты играют ключевую роль в художественном

⁴ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Ламберов Л.Д. Робинзонада вымышленных и беднота произвольных объектов // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 8–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/27822966-2024-4-4-8-12>.

вымысле, и их следует отличать от реально существующих прототипов даже в том случае, когда они, как это может показаться, практически совпадают. Указанная концепция вымышленных объектов противопоставляется концепции произвольных объектов, даётся их сравнение. Данный материал был представлен в виде доклада на Седьмых Лемовских чтениях (Самарский университет, 28-30 марта 2024 г.), после которого участниками был задан ряд интересных вопросов и высказаны замечания, которые учтены в настоящей статье. Статья имеет следующую структуру: (i) концепция вымышленных объектов как эпистемически конечных относительно их особенных свойств; (ii) концепция произвольных объектов в её сравнении с указанной концепцией вымышленных объектов; (iii) сравнительная таблица для двух указанных концепций; (iv) ответы на вопросы и замечания, прозвучавшие после доклада на Седьмых Лемовских чтениях.

I. Герой вымышленной «Робинзонады» Марселя Коски из «Библиотеки XXI века» [1], Серж Н., или Новый Робинзон, не может создать Всевышнего, но сам становится творцом. Испытывая разочарование от того, что окружавшие его в жизни до крушения корабля люди были скорее «грязной водой»⁵ (при том, что «человек без других – как рыба без воды»), он восклицает первое слово Бытия – «Долой этот хлам!» – и начинает творить. Первым он создаёт толстяка Глюмма, своего верного слугу, камердинера и лакея, в существовании которого не приходится сомневаться, так как «сомневаться в нём – всё равно что смотреть на деревья и облака и думать, будто их нет вовсе». Конечно, Глюмм ничего не ест, но сам готовит своему господину еду, пока тот собирает коллекцию интересных камней («и экономно, и удобно»). Однако в Новом Робинзоне постепенно растёт недовольство чрезмерной исполнительностью Глюмма, изменить Глюмма уже нельзя, «он такой, как есть, какой получился». Тогда он создаёт поварёнка Смена. Из-за необходимости следить за Сменом Глюмм начинает хуже исполнять свои обязанности, тогда Робинзону приходится его выгнать, выплатив жалование за три месяца (деньги всё ещё хранятся на разбившейся о рифы «Патриции»). Глюмм уходит («Глюмма как слуги на острове нет, [но] он не исчез окончательно»), однако денег не берёт. И наконец Робинзон создаёт себе трёхногую служанку Срединку, которая «станет его Беатриче». Несчастливая и крайне запутанная любовь к Срединке вынуждает Нового Робинзона в конце концов создать «прямо-таки толпы, которые Робинзон вызывает к жизни мимоходом, нехотя, записывая где попало имена, фамилии, прозвища, – после чего наступает полнейший хаос» [1, с. 155].

Новый Робинзон окружает себя вымышленными объектами, создаёт Других, являющихся его границей: «Если нет Бога и к тому же нет ни Других, ни надежды на их возвращение, следует спастись созданием какой-либо веры, которая по отношению к создавшему ее должна быть внешней» [1,

5 Для большинства цитат из «Робинзонады» С. Лема, там, где это не принципиально важно, страницы не приводятся, чтобы не перегружать текст статьи.

с. 157]. Недоступные существа, в существовании которых, однако, нет никаких сомнений, более притягательны. Недоступность требуется Робинзону для того, чтобы не иметь возможности осознать их несуществование. Ему важно не иметь возможности убедиться в несуществовании любимой Срединки, поэтому он выдумывает на острове целое общество, которое «встанет между ним и девушкой; оно возведёт систему барьеров, преград, образует непреодолимое расстояние, с которого Робинзон сможет её любить, сможет её вечно вожделеть. [...] Он ведь знает, что [...] если попробует коснуться девушки – весь мир, созданный им, в мгновение ока рухнет» [1, с. 158]. Робинзон даже «забывает» о третьей ноге Срединки, которая изначально служила непреодолимым препятствием для их интимных отношений.

Как творец Новый Робинзон, конечно, в какой-то мере свободен. Он создаёт выдуманных персонажей (и в частности Срединку) с единственным требованием – он не должен разубедиться в их (важнее – Срединки) существовании. Однако эти персонажи «живут» собственной жизнью, они как Глюмм, такие как есть, какие получились. Хотя Новый Робинзон может вносить коррективы в отдельных персонажей своего выдуманного общества (и то эти изменения вряд ли могут быть полностью сознательными) или просто забывать о каких-то их особенностях, персонажи остаются самими собой. Коррективы для них скорее губительны.

С философской точки зрения при разговоре о вымышленных объектах с целью противопоставить их реальным следует обратить внимание на разделение [5, р. 341] генерических и негенерических (или родовых и неродовых) свойств объекта. Генерические свойства – это свойства, которыми обладают все представители некоторого (зачастую естественного) класса. Другими словами, это свойства, составляющие сущность некоторого вида объектов. Негенерические свойства – свойства, которыми обладает только один этот особенный объект, то есть это свойства, которые он не разделяет с другими объектами своего класса. Для иллюстрации этого разделения Н. Решер рассматривает отдельную снежинку [5, р. 341]. Генерическими свойствами некоторой определённой снежинки являются шестиугольность её формы, общий химический состав, температура плавления и т. д. Среди негенерических свойств определённой снежинки будут её особенная форма, угловой момент её падения и т. д.

Собственно, различие между вымышленными и реальными объектами, когда оно интерпретируется через генерические и негенерические свойства, состоит в том, что вымышленные объекты (при условии, что «акт творения» уже завершён, и изменения в сотворённый вымышленный объект больше не вносятся) имеют ограниченное число негенерических свойств, а реально существующие объекты оказываются «когнитивно неисчерпаемыми» [5, р. 341-343] или обладающими неизмеримой когнитивной глубиной. Например, о Шерлоке Холмсе А. К. Дойла можно составить подробнейшее описание, источником которого будут рассказы, черновики, переписка и

прочее содержание всего архива автора. Однако это подробное описание будет конечным, в некоторый момент составления такого описания, оно будет настолько «полным» в контексте конкретного набора источников, что к нему можно будет что-либо добавить только обратившись к силе воображения. Фактически, о Шерлоке Холмсе мы знаем не очень много. Нет даже сведений о дате его рождения (вероятный год – 1854), нет сведений о его родителях (нет даже их имён). Мы не знаем, в конце концов, сколько именно атомов содержалось в теле Шерлока Холмса в некоторый определённый момент времени (например, в момент, когда он впервые увидел профессора Мориарти), и никогда этого не узнаем. У нас нет других источников информации о Шерлоке Холмсе (а именно – о Шерлоке Холмсе А. К. Дойла) помимо произведений и архива писателя (возможно, сюда могли бы быть добавлены какие-то воспоминания родственников и друзей А. К. Дойла, если бы мы могли посчитать их достаточно достоверными). Встретиться с Шерлоком Холмсом мы, очевидно, не можем, а потому не можем изучить его как любой реально существующий объект.

Следует, конечно, признать, что наше знание о некотором реально существующем объекте в любой момент времени является конечным, однако у нас имеется принципиальная возможность расширить это знание. Причём это касается как знания генерических, так и знания негенерических свойств этого объекта. О Шерлоке Холмсе может не говориться, что у него имеются все свойства, которые характеризуют людей, те свойства, которыми обладают все люди, но если в процессе исследования выяснится, что все люди обладают каким-то неизвестным до текущего момента свойством (например, в какой-то момент мы узнали, что все люди обладают схожей структурой ДНК), то мы из этого сделаем вывод, что и Шерлок Холмс, будучи человеком, пусть и вымышленным, обладает этим свойством. Однако наше знание негенерических свойств вымышленного объекта является принципиально неполным, какие бы исследования реально существующих объектов мы ни проводили. Для реально существующих объектов не только наше знание генерических свойств является принципиально расширяемым, но таковым же является и наше знание негенерических свойств, причём без обращения к помощи нашего воображения. Другими словами, реальные объекты являются когнитивно неисчерпаемыми, а «то, что исчерпывается [своей] языковой характеристикой, маркируется тем самым как вымышленный [объект], а не как реальный» [5, р. 341].

II. Помимо реальных и вымышленных объектов в контексте генерических и негенерических свойств можно рассмотреть произвольные объекты. Концепция произвольных объектов в современной метафизике развивается с 1980-х гг. такими авторами, как К. Файн [2], М. Сантамбрджо [6], Л. Хорстен [4] и др. Произвольный объект – это объект, обладающий всеми генерическими свойствами некоторого класса, но не обладающий

никакими негенерическими свойствами объектов, принадлежащих этому классу.

Близкой идеи относительно переменных придерживались некоторые математики XIX в., интерпретировавшие утверждения вида «Пусть x – натуральное число» как утверждения о произвольном числе. Однако эта точка зрения была подвергнута критике во второй половине XIX в., и от концепции произвольных чисел (соответственно, от концепции произвольных объектов вообще) отказались. В частности, можно отметить критические замечания, высказываемые Г. Фреге в его статье «Что такое функция?» [3], в которой он критикует идею о произвольных числах в работе Э. Чубера «Лекции по дифференциальному и интегральному исчислению» (1898). Никаких неопределённых или переменных чисел, с точки зрения Г. Фреге, не существует, а выражения вида «Пусть x – натуральное число» должны интерпретироваться таким образом, что под переменной x здесь подразумевается некоторое определённое натуральное число, но в настоящий момент мы просто не знаем, какое именно. Другими словами, по мнению Г. Фреге, произвольное в данном случае – это характеристика отношения референции, а не объекта. Как бы то ни было, с 1980-х гг. концепция произвольных объектов оказалась плодотворной, например, для разработки структуралистской философии математики, концепции рассуждений с неопределёнными объектами, семантики естественного языка, эпистемического обоснования для инфинитарных рассуждений и т. д.

Выше уже было указано, что произвольные объекты обладают всеми генерическими свойствами некоторого класса и не обладают никакими негенерическими свойствами определённых объектов этого класса. При этом они обладают также особыми свойствами произвольных объектов – например, свойством быть некоторым определённым объектом в некоторой определённой ситуации (точнее: быть в состоянии бытия некоторым определённым объектом в некоторой определённой ситуации) или быть диагональным произвольным объектом (то есть произвольным объектом, который в разных ситуациях является разным определённым объектом, и при этом он ни в каких двух разных ситуациях не является одним и тем же определённым объектом).

Произвольные, вымышленные и реальные объекты можно, используя аппарат семантики возможных миров, сравнить также по тому, в каких возможных мирах они существуют, и как они реализованы. При этом необходимо уточнить, что возможные миры понимаются здесь не просто как части модели, а в более широком метафизическом смысле (каким бы он ни был). Так, (1) реальные объекты обязательно существуют в актуальном мире и могут существовать в неопределённом множестве возможных миров (это неопределённое множество миров составляет половину от всего множества возможных миров, так как объект в возможном мире либо существует, либо не существует); (2) вымышленные объекты не существуют в актуальном мире, но существуют в неопределённом множестве сугубо возможных миров

(вымышленные объекты тоже существуют в половине всех возможных миров и не существуют в другой половине их); (3) произвольные объекты существуют в любых возможных мирах, где имеется хотя бы один определённый объект соответствующего класса, однако ни один произвольный объект ни в каком возможном мире не является каким-либо определённым объектом (не принимает «значения» какого-либо определённого объекта), так как для произвольных объектов существенной является афтайретическая модальность, согласно которой произвольный объект в некоторой ситуации *может* быть некоторым определённым объектом, но при этом он ни в какой ситуации никаким определённым объектом фактически *не является*, произвольный объект всегда остаётся произвольным.

III. Приведённые выше соображения можно резюмировать с помощью следующей таблицы:

	Генерические свойства	Негенерические свойства	Существование	Реализация
Реальные объекты	все	бесконечное число	в актуальном мире и половине возможных миров	реализован
Вымышленные объекты	все	конечное число	нет в актуальном мире, есть в половине возможных миров	реализован
Произвольные объекты	все	ни одного	есть только там, где имеется хотя бы один определённый объект соответствующего класса	нигде не реализован

Если вернуться к заголовку настоящей статьи, то должно стать понятным, что «робинзонада» вымышленных объектов в данном случае означает существование только в сугубо возможных мирах и ограниченность по негенерическим свойствам фантазией творца, а «беднота» произвольных объектов – отсутствие каких-либо негенерических свойств и нереализация ни в одном возможном мире в виде какого-либо определённого объекта.

IV. Одно важное замечание по отношению к концепции вымышленных объектов как эпистемически конечных относительно их особенных свойств состоит в указании на то, что переставшие существовать объекты, подобно вымышленным объектам, оказываются эпистемически конечными.

Действительно, необходимо признать, что, например, древнегреческий историк Фукидид не может быть непосредственно доступен нам для проведения его исследования, и всё, что нам о нём известно, опирается на конечный набор письменных источников. Соответственно, Фукидид, согласно обсуждаемой концепции вымышленных объектов, должен быть признан вымышленным объектом. Это достаточно сильное замечание, на которое, как это представляется, можно ответить двумя способами. Во-первых, метафизическая позиция реализма⁶ относительно прошлого, безусловно, является проблемной (по крайней мере мне не известна ни одна последовательная реалистская позиция относительно прошлого). Прошрое является недоступным нам непосредственно в эпистемическом плане и известно лишь косвенным образом. В рамках метафизики наиболее последовательной представляется позиция антиреализма относительно прошлого (например, в духе верификационистов), что предполагает, что объекты прошлого не существуют независимо от познающих агентов. Во-вторых, если же антиреалистская позиция относительно прошлого представляется неудовлетворительной, то сама рассматриваемая концепция может быть переформулирована таким образом, что она будет представлять собой не концепцию вымышленных объектов, а экспликацию по меньшей мере одного аспекта того, что значит реально существовать (при условии, конечно, что объекты прошлого признаются несуществующими). Другими словами, эпистемически конечными в своих негенерических свойствах при таком подходе оказываются не только вымышленные объекты, но и вообще все несуществующие объекты. В этом случае требуется каким-то другим образом отделить невымышленные и несуществующие объекты от вымышленных (но тоже несуществующих) объектов.

Ещё одно замечание состоит в том, что вымышленные объекты могут обладать нормативным измерением, которое тоже следует учитывать в концепции вымышленных объектов. Представляется, что концепция вымышленных объектов как эпистемически конечных относительно их особенных свойств не противоречит нормативности. Вымышленные объекты, как они описаны в начале статьи, вполне обладают требуемым нормативным измерением, в конце концов именно вымышленное общество (в фантазии героя) мешает любовным отношениям Нового Робинзона и Срединки. Так как вымышленные объекты могут играть нормативную роль, а могут и не играть, представляется, что концепция нормативности вымышленных объектов является внешней по отношению к собственно концепции вымышленных объектов. Рассматриваемая концепция вымышленных объектов вполне совместима с подходящей концепцией нормативности. На первый взгляд, не подходят только те концепции нормативности, в которых предполагается реальное существование объектов, играющих нормативные роли.

⁶ Здесь под реализмом относительно прошлого имеется в виду концепция, согласно которой прошлое реально и независимо от познающих агентов существует прямо сейчас, наряду с настоящим или в настоящем. При этом предполагаемая антиреалистская позиция относительно прошлого вовсе не предполагает, что прошлое никогда не существовало, оно лишь не существует сейчас.

Кроме того, в ходе обсуждения рассматриваемой концепции возник вопрос о том, как интерпретировать ситуации, в которых происходит взаимодействие с вымышленными объектами. К примеру, по мотивам фильма «Человек – швейцарский нож» можно допустить ситуацию, в которой реальный человек взаимодействует с реальным трупом, но полагает при этом, что это не труп, а другой живой человек. Представляется, что такую ситуацию в контексте рассматриваемой концепции вымышленных объектов можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, в актуальном мире существует человек, взаимодействующий с трупом. Тем самым у нас имеется два реальных объекта. Во-вторых, этот человек воображает (или галлюцинирует) себе общение и другие варианты взаимодействия с тем, что в (другом) возможном мире «занимает» место реального трупа. Таким образом, мы можем говорить о возможном мире, в котором происходит практически всё то же, что и в реальном мире, но в котором наш реальный человек взаимодействует уже не с реальным трупом, а с другим человеком, «занимающим» в том возможном мире место реального трупа. Рассматриваемая концепция вымышленных объектов вполне согласуется с такой интерпретацией.

Список литературы

1. Лем С. Робинзонады // Насморк: Роман. Абсолютная пустота. Мнимая величина. Провокация: Эссе. Собр. соч. В 10 тт. Т. 10. М.: Текст, 1995. С. 145–159.
2. Fine K. Reasoning about Arbitrary Objects. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 220 p.
3. Frege G. Was ist eine Funktion? // Meyer S. (ed.). Festschrift Ludwig Boltzmann gewidmet zum sechzigsten Geburtstage, 20 February 1904. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1904. S. 656-666.
4. Horsten L. The Metaphysics and Mathematics of Arbitrary Objects. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 247 p.
5. Rescher N. Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge. N. Y.: SUNY Press, 2003. – 424 p.
6. Santambrogio M. Generic and Intensional Objects // Synthese. 1987. Vol. 73. P. 637-663.